

К истокам страха у Гоголя (нежинский период)

Проблема страха в творчестве Гоголя стала предметом научного интереса многих исследователей (В.Виноградова, А.Белого, Ю.Барабаша, В.Воропаева, В.Скуратовского и др.) в различных аспектах – от его специфики в романтической эстетике [1] до изучения сквозь призму экзистенциализма. Основательными представляются исследования в этой области А.Г.Ковальчука, рассматривающего тему страха “как центральную в творчестве”[2] Гоголя.

Актуализация проблемы побуждает к продолжению поисков истоков страха. Предлагаемое сообщение представляет собой подбор некоторых фактов, архивных данных, проливающих в какой-то мере свет на Гоголя “внутреннего”, периода его обучения в Нежинской гимназии высших наук. Письма Гоголя-гимназиста этого времени, во многом определившего характер его духовного образования [3], не могут полностью раскрыть внутренний мир будущего писателя, равно как и свидетельства (не всегда объективные) его соучеников и учителей.

Гоголь, как и его герои-бурсаки из повести “Тарас Бульба”, был отдан в учение “по двенадцатому году”[4], и, как они, должен был пройти школу, в которой “обыкновенно несколько шлифовались и получали что-то общее, делавшее их похожими друг на друга”[5]. Однако многие свидетельства тех лет дают право утверждать, что Николай Гоголь так и не подвергся полной “шлифовке”, ведь для многих он остался таинственным “карлой”, загадкой для всех.

По утверждению Н.Лавровского, учебно-педагогическая деятельность Нежинской гимназии высших наук определялась “уставами Его Величества”, полагающими “главнейшим основанием веру, благочестие и *страх Божий* (Здесь и далее курсив автора – Ю.Я.), а потом полезные науки и искусства”[6]. Немалые усилия прилагались директором Орлаем к тому, чтобы во вверенном ему учебном заведении воспитывалась у “питомцев любовь к Богу и ближнему, повиновение властям и вообще страх Божий” [7].

Понятие страха Божьего Гоголь постигал с детства, слушая рассказы матери о Страшном Суде и о благе, заслуженном добродетельной жизнью. Домашнее воспитание Никоши не ограничивалось лишь родительскими нравоучениями. Он вспоминал эпизод, когда, будучи пятилетним мальчиком, ощутил на себе действие “педагогтики розги” – отец высек его после признания в том, что он утопил кошку: “Мне было страшно, я дрожал, а в то же время чувствовал какое-то удовлетворение, может быть, месть за то, что она меня испугала”[8].

Подобная система воспитания считалась делом обычным не только в патриархальных семьях того времени, но и в системе государственных учебных заведений. Украинский историк А.Курочкин убедительно доказывает, что в XVIII – первой половине XIX столетия “...воспитательная традиция

рукоприкладства вырастает до масштабов общегосударственной идеологии, становится самым действенным инструментом политики утверждения уставной самодержавной империи”[9].

Гимназия высших наук кн. Безбородко в этом отношении не была исключением. Страх Божий “вперялся” в сердца юных воспитанников не только словом: они часто испытывали описанное в “Мертвых душах” то “вечно знакомое, всегда неприятное чувство, когда ... краюшка уха... скручивалась очень больно ногтями длинных протянувшихся сзади пальцев”(6, 224).

В Гимназии применение “телесных наказаний”, правда, лишь к воспитанникам младших классов, было делом привычным: экзекуторы являлись и, согласно подписанному директором приговору, приступали к порке провинившегося. По воспоминаниям Н. Кукольника [10] и Т.Г.Пашенко [11], Николай Гоголь также был подвергнут процедуре экзекуции, однако акт наказания принял необычный поворот, закончившийся для последнего пребыванием в гимназической больнице. До сих пор считается наиболее приемлемой версия инсценирования Гоголем сумасшествия, хотя не следует, на наш взгляд, отбрасывать и мысль о том, что факт буйного сопротивления подростка насилию можно скорее всего классифицировать как нервный срыв, спровоцированный страхом наказания, а присутствие при инциденте И.С.Орлая (доктора медицины и хирургии, личного врача императора, ученого секретаря Императорской медико-хирургической академии) оставляет еще меньше сомнений в этом.

Деятельность учебного заведения была организована таким образом, чтобы воспитанники, находившиеся на попечении Гимназии, постоянно были в поле зрения преподавателей (в учебное) и надзирателей (во внеучебное) время [12]. Контроль над пансионом осуществлялся инспектором по надзору за поведением пансионеров [13]. Оценки по поведению имели официальный статус и выводились в журнале Конференции.

Применяемые в Гимназии дисциплинарные меры (совет надзирателя, выговор “с коротким увещанием”, наказание по усмотрению инспектора, внесение в “черную книгу”; “если же кто и после упомянутых наказаний не исправляется и делает грубости, будучи замечен в том многократно, таковой инспектором, по усмотрению, наказывается более; о имени же того воспитанника инспектор доносит директору”[14]), зависели от фантазии и личных качеств надзирателя или инспектора. Гоголя, к примеру, “схватил и долго тряс за плечи”[15], рассердившийся за передразнивание учитель физики К.В.Шапалинский. Сегодня сложно сказать, какой методики придерживался инспектор Н.Белоусов, докладывая Конференции о своих педагогических достижениях: “заставил каждого знать молитвы”, научил стоять в церкви “скромно и с благоговением”, “заставил их (воспитанников – Ю.Я.) повиноваться своим надзирателям и почитать в них своих начальников, ибо пансионеры ”долго сопротивлялись оказывать им послушание и должное уважение”[16].

Страх постоянного присмотра и чужого глаза оставался у Гоголя достаточно долго. Мрачный образ одного из атрибутов гимназического

устрашения всплывет спустя годы в письме Н.Гоголя, адресованному А.Данилевскому: “Я слышал, между прочим, что у вас в Париже завелись шпионы... Будь осторожен. Я уверен, что имена почти всех русских вписаны в *черной книге* нашей тайной полиции”(10, 219).

Диапазон наказаний в Нежинской гимназии был значительно шире мер (“белая книга”, первая скамья для лучших, разрешение аудиторства отличникам)[17], принимаемых для поощрения успевающих и прилежных учеников. И потому представляется вполне обоснованной тревога Н. Гоголя, дающего сбивчивые объяснения “маминьке”, как он потерял чужой ножик. В письме домой от 7 января 1822 года сквозит страх ребенка, опасющегося, что его “накажут со всей строгостью”, когда хозяин потерянной вещи прожалуется учителю.

Одним из наиболее распространенных способов укрощения непокорных и нерадивых в Гимназии было наказание голодом. Подобная ситуация описывается в “Мертвых душах”, где Гоголь, изображая поход Чичикова с Маниловым в палату для совершения купчей, одним штрихом создает образ невидимого, но безусловно грозного “служителя Фемиды”. Его голос, обращенный к канцеляристу, “более величавый, без сомнения одного из начальников, раздавался повелительно: “На, перепиши! а не то снимут сапоги и просидишь ты у меня шесть суток не евши”(6, 142).

Согласно документальным подтверждениям, Гоголя, как и многих его товарищей, часто ждала та же участь, что и проштрафившегося канцелярского служащего. П.Кулиш приводит выписку из журнала Конференции, из которой следует, что в течение двух дней подряд Н.Гоголя наказывали голодом четыре раза: “19-го декабря Прокоповича и Яновского за леность *без обеда* и в углу пока не выучат уроки. Того же числа, Яновский за упрямство и леность особенную – *без чая*. 20 декабря ... Яновский – *на хлеб и воду* во время обеда. Того же числа ...*был без чаю*” [18].

Такому наказанию с первых дней своего пребывания в Гимназии подвергался юный Гоголь и по инициативе надзирателя Е.И. Зельднера, на попечении которого поначалу находился. В письме к В.А.Гоголю надзиратель сообщает, что Никоша был оставлен без “послеобеденного чаю” за незнание урока [19]. В подобном наказании ребенка Зельднер ничего плохого не видит: “Без маленькие благородные наказания не воспитывается ни один молодой человек, и мы все так в наших молодых летах были воспитаны”[20] (Стиль сохранен. – Ю.Я.).

Подобные “маленькие” наказания грозили и детям Манилова, за которыми очень внимательно следил учитель, “человек признательный”. Когда маниловские сыновья нарушили мирное течение обеда, лицо учителя “приняло суровый вид, и он строго застучал по столу, устремив глаза на сидевших насупротив его детей. Это было у места, потому что Фемистоклос укусил за ухо Алкида, и Алкид, зажмурив глаза и открыв рот, готов был зарыдать самым жалким образом, но почувствовав, что за это легко можно *было лишиться блюда*, привел рот в прежнее положение и начал со слезами грызть баранью кость...”(6, 31)

В младших классах пансионеры находились в особенно зависимом положении от надзирателей. Воспитательные полномочия означенного персонала зачастую были шире постоянного присутствия в музеях [21] и совместного посещения столовой. Провинившимся пансионерам приказывали в качестве наказания располагаться на ночлег “подле надзирателя”. Кроме всего прочего, они навещали родителей своих воспитанников [22].

Система воспитания, не учитывающая возрастных особенностей личности, основанная на запретах и страхе наказания, почти автоматически переводила любое волеизъявление пансионеров в ранг нарушений порядка.

Пансионер М.Риттер, оставленный без ужина, явился в столовую и стал *самовольно брать со стола еду*. Запрет присутствовавшего при этом надзирателя Ад. Амана был проигнорирован провинившимся, которого поддержали Пл. Лукашевич и А.Данилевский и подали ему съестное, заявляя, что, согласно указу директора, наказывать ученика 6 класса надзиратель не имеет права. Позже, когда надзиратель Ав. Аман явился в спальню, чтобы “укротить” непокорного (поставить на колени с помощью двух служителей), за Риттера вступились братья Платон и Аполлон Лукашевичи, братья Иван и Петр Сушковы, Михаил Щербак, Александр Данилевский, Николай Прокопович, Илларион Миницкий, Андрей Горленко и Николай Закревский, вытолкавшие прислугу из помещения. В рапортах надзирателей причастные к инциденту, произошедшему осенью 1824 года, 15–16 летние пансионеры были названы “бунтовщиками” и “мятежниками” [23].

Описанное в рапорте происшествие соотносится с воссозданными Гоголем картинами жизни бурсаков из “Тараса Бульбы”: “...ужасное множество молодых, дюжих, здоровых людей – все это должно было им внушить деятельность совершенно вне их учебного занятия. Иногда плохое содержание, иногда частые наказания голодом, иногда многие потребности, возбуждающиеся в свежем, здоровом юноше, – все это, соединившись, рождало в них ту предприимчивость, которая после развивалась на Запорожье” (2, 54). И если “голодная бурса рыскала по улицам Киева”, наводя страх на базарных торговцев, то нежинские пансионеры устраивали налеты на близлежащие огороды, оборудовали в Графском парке скамью из дерна, где собирались для чтения непозволительных книг и курения [24].

Взрослеющие пансионеры все чаще демонстрируют неприятие насилия, выливающееся в занятия “вещами непозволительными”, как-то: “огнестрельный порох”, “курительный табак”, нарушение всяческих запретов, регламентирующих круг чтения. Обнаружение и изъятие указанных вещей производилось путем взламывания шкафов в спальнях воспитанников [25].

Увлечение пансионеров чтением книг, выходящих за рамки официальной программы, в 1826 году становится массовым. Поступавшие от надзирателей сигналы о подобных фактах, вынуждали руководство Гимназии поставить в известность Почетного попечителя и принять ряд упреждающих мер, основанных на практике контроля за чтением воспитанников, публичном оглашении приказа “никаких книг, кроме учебных, не брать в руки” [26].

Однако, уже к концу 1826 – началу 1827 года принимаются и

репрессивные меры, повлекшие за собой распоряжение Почетного попечителя А.Г.Безбородко “выслать вольных пансионеров Николая Прокоповича, Данилевского и Мартоса за то, что они скрытно от начальства читают неприличные возрасту книги, пишут стихи, не показывающие чистой нравственности”[27]. В поле зрения властей попадает пансионер Андрей Божко, на которого Черниговскому губернатору рекомендуют обратить внимание, поскольку он подозревается в распространении произведений К.Рылеева [28].

На время учебы Гоголя в Нежинской гимназии высших наук приходится и устройство карцера. Принятие такого жесткого решения со стороны руководства было вызвано небезызвестной, но, по этическим соображениям, почти не описанной [29] историей с пансионерами А. Шрамченко и А. Миницким, которые были “захвачены на самом действии мужеложства”[30].

Указанные события относятся к лету 1826 года, когда Гимназия готовилась к первому выпуску, а директор И.С.Орлай, кроме забот административных, был занят решением вопроса о своем переводе в Ришельевский лицей. В мае 1826 года он обратился к попечителю с просьбой разрешить ему по окончании экзаменов ненадолго отлучиться в Москву[31] и, получив его, отдает ряд распоряжений относительно управления Гимназией. После отъезда И.С.Орлая, в последних числах июля, его стал замещать ст.проф. М.Билевич[32].

Разбирательство такого необычного дела началось вскоре после отъезда директора, поскольку требовалось “учинить строгое ...и всестороннее исследование”, а также собрать справки об учебе и поведении главных фигурантов за предыдущие годы [33]. Из-за уехавшего на каникулы инспектора Н.Белоусова, а затем отъезда самого директора, предложившего Конференции принять решение в его отсутствие, заседание состоялось лишь 31 июля 1826 года. После обсуждения рапорта инспектора Н.Г.Белоусова об испорченности некоторых воспитанников было принято постановление уволить Александра Миницкого и выдать ему свидетельство, в котором будет указано лишь время пребывания в пансионе и изученные предметы без “означения успехов и поведения”[34].

Судьба Андрея Шрамченко решалась на заседании конференции 24 августа 1826 г. [35]. Его оставили в Гимназии, учитывая малолетство и то, что “...в первый раз в дурном поступке замечен”, под надзором надзирателей и профессоров. В случае повторения подобного ему пригрозили исключением [36].

На том же заседании Конференция принимает решение “назначить карцер”. Для этого необходимо освободить помещение архива, а документы надлежит переместить в особый шкаф библиотеки [37].

Мотивация этой акции излагается в обращении к попечителям: “...для страха и наказаний, что послужит предварительным обузданием и удержанием воспитанников от всяких шалостей, не менее и побуждением к учению“ с целью “неблагонравных по поведению и весьма нерадивых по учению оным наказывать”[38].

Следует заметить, что в эти дни заседания Конференции проводились

часто не только по причине чрезвычайности произошедшего, но и потому, что мнения преподавателей разделились. Сообщая о случившемся попечителю Харьковского учебного округа и Почетному попечителю, Конференция квалифицирует действия пансионеров, находившихся “в отлучке от надзирателей по своим естественным надобностям”, как “неблагопристойные шалости”, однако вынуждена при этом указать на особое мнение К.В.Шапалинского, И.Я.Ландражина, Н.Ф.Соловьева, настаивающих на исключении из Гимназии обоих пансионеров “за мужеложство”[39].

Эти события не могли пройти незамеченными для гимназистов, поскольку принимаемые решения определяли не только участь их соучеников, но изменяли течение гимназической жизни. Решением Конференции была объявлена всеобщая бдительность и строгий присмотр за воспитанниками.

Так, например, 30 августа проф. С.М. Андрущенко получил письменное распоряжение инспектора Н.Г.Белоусова о незамедлительном поселении в своей квартире воспитанника Шрамченко, что обеспечивало бы круглосуточный надзор за ним.

В музеях неотлучно находились по два служителя в дневное время и по одному в ночное.

Реакция Правления Гимназии на происходившие события и принятые меры указывает на использование в системе воспитания тактики “кнута и пряника”. В эти же дни принимается решение о поощрении прилежных учеников. Речь идет о книге чести, куда надлежит вписывать имена тех гимназистов, которые “как по успехам, так и про своему благонравию заслужили от господ наставников всеобщую и притом отличную похвалу”, а спустя два месяца был определен и порядок проведения этого мероприятия: отмеченные ученики должны собственноручно вписать свои имена в книгу чести на общем собрании чиновников и учащихся.

В заключение заметим, что изложенный материал может лишь косвенно пролить свет на обстоятельства формирования личности писателя, признававшего важность “впечатлений детских лет”(10, 281). Поэтому взгляд современных литературоведов на мировосприятие (“містичні страхи, боязнь Страшного Суду, меланхолія як настрої упокорення”) раннего Гоголя как наложение “на первісне враження“ [40], является скорее данью стереотипных представлениям, чем реальным и документальным свидетельством. Доказательством может служить письмо к В.А.Жуковскому, написанное Гоголем спустя семь лет по окончании Гимназии, в котором он, пытаясь осмыслить им написанное, обращается к образам своего ученического прошлого: “В самом деле, если рассмотреть строго и справедливо, что такое все написанное мною до сих пор? Мне кажется, как будто я разворачиваю давнюю тетрадь ученика, в которой на одной странице видны нерадение и лень, на другой нетерпение и поспешность, робкая, дрожащая рука начинающего и смелая замашка шалуна, вместо букв выводящая крючки, за которые бьют по рукам“(10, 48).

1. *Виноградов В.* Романтический натурализм (Жюль Жанен и Гоголь) // Виноградов В. Поэтика русской литературы. – М., 1976.

1. *Ковальчук О.* Страх як проблема українського буття (гоголівська проєкція) // Гоголеведческие студии.– Нежин, 2000.– Вып.5. – С. 19.

2. Об этом см.: *Воропаев В.* Духом схимник сокрушенный...Жизнь и творчество Н.В.Гоголя в свете православия. – М., 1994.– С. 10.

3. На момент поступления Н.Гоголя в Гимназию большая часть воспитанников была в возрасте 11-12 лет: П. Бордовский, А. Миницкий, М.Щербак, П.Редкин, Ф.Бороздин, Н. Думитрашко, В.Тарнавский, Н.Григоров, а самыми “великовозрастными” были И.Кобеляцкий, 14 лет, В.Любич-Романович и С.Милорадович, 16 лет.

4. *Гоголь Н.* Полн.собр.соч.: В 14 т. – М.-Л., 1937. – Т. 2. – С. 53. Далее цитируем по этому изд., указывая том и страницу в круглых скобках.

5. *Лавровский Н.А.* Гимназия высших наук кн.Безбородко в Нежине (1820-1832 г.) // Гимназия высших наук и лицей князя Безбородко. – СПб., 1881. – С. 100.

6. Там же. – С. 80.

7. *Висковатов П.* Из рассказов А.О.Смирновой о Н.Гоголе // Русская старина. – 1902. – № 9. – С. 487.

8. *Курочкин О.* За одного битого двух небитых дают (Причинок до історії “педагогіки різки”) // Берегиня. – К., 1999.– С. 50.

9. *Кукольник Н.В.* И.С. Орлай: Из памятной книжки // Гимназия высших наук и лицей князя Безбородко. – СПб., 1881. – С. 198 .

10. *Пашков В.* Воспоминания // Берег. – 1880. – № 268. – 18 дек.

11. Об этом пишет Лавровский: “В свободное от занятий время воспитанник, по желанию мог отправиться “в сопровождении надежного человека из прислуги”, к профессору или учителю для вразумления в местах, темно им понимаемых. В воскресные и праздничные дни, по получении отпуска от инспектора, пансионеры могли отправляться к родителям, родственникам или знакомым, с надежным проводником от последних. (*Лавровский Н.А.* Гимназия высших наук кн. Безбородко в Нежине. 1820 – 1832. – Киев, 1879. – С. 38.)

12. Первым инспектором “без жалованья” был назначен 30 марта 1822 г . проф. Моисеев К.А., не пользовавшийся, как известно, авторитетом у пансионеров. Н.Белоусов, сменивший Моисеева в этой должности в мае 1826 года, дает жесткую характеристику пансиона того времени, находившегося “в развращенном состоянии“ с “ужасавшим буйством пансионеров”(Отдел государственного архива в г. Нежине Черниговской области.– Ф.1104, оп.1, д. 11, л.9; ф.1104, оп.1, д.19, л. 3 об., л.4.). Возможно такая оценка вызвана и личными отношениями двух инспекторов, которые, как известно, были достаточно сложными.

13. *Лавровский Н.А.* Гимназия высших наук кн. Безбородко в Нежине.1820 – 1832. – Киев, 1879.– С. 38.

14. *Шенрок В.И.* Материалы для биографии Гоголя: В 4 т. – М.,1892. – Т.1. – С. 105).

15. Отдел государственного архива в г. Нежине Черниговской обл. – Ф.1104, оп.1, д.19, л. 6 об.

16. Введено Конференцией Гимназии 28 октября 1822 года. Предложения директора И.С.Орлая предполагали размещение учащихся в классах в соответствии с результатами успеваемости (“превосходные”– первая скамья, “хорошие”– вторая, “посредственные” – третья и т.д.). Подобный порядок размещения предлагался и за столом во время приема пищи. “Превосходнейших и благонравнейших” учеников делали старшими и вне класса (в музеях, на прогулках). За ними закреплялось право в любое время проверять у своих товарищей выученное в классе. В случае неповиновения следовало сообщать дежурному надзирателю или инспектору. Учрежденные книги – “librum honoris” и ”librum dedecoris” для награды отличных учеников и наказания неисправляющихся – должны быть “читаны в

общей зале перед всеми учениками”(Сребницкий И.А. Материалы для биографии Н.В.Гоголя из Архива Гимназии высших наук. – К., 1902. – С. 43-44; 331-332).

17. Кулиш П.А. Записки о жизни Н.В.Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и его собственных писем: В 2 т. – Т.2. – СПб., 1856. – Т. 2.– С. 274.

18. Щеголев П.Е. Из школьных лет Н.В.Гоголя // Исторический вестник. – 1902. – Февраль.– С. 521.

19. Там же. – С. 520.

20. Согласно предложений директора И.С.Орлая от 1 ноября 1824 года в Гимназии учреждаются 3 музея “чтобы надзиратели исправляли без упущения свою должность и присматривали за воспитанниками“. В первом музее находятся воспитанники 1,2,3 классов (надзиратели Зельднер и Ад. Аман), во 2 – воспитанники 4 и 5 классов (надзиратели Павлов и Филиберт), в 3 – воспитанники 6,7,8 классов (надзиратели Ав.Аман и Перион). Каждый из двух надзирателей музея присматривал за своей “половиной“ воспитанников и обязан был нести “ежеминутную ответственность“ за пансионеров, ни под каким предлогом не оставляя их самих. (Сребницкий И.А. Материалы для биографии Н.В.Гоголя из Архива Гимназии высших наук. – К.,1902.– С. 347-348; 353.)

21. А. Данилевский, близкий друг Н.Гоголя, вспоминает забавную историю о том, как надзиратель Е.И.Зельднер собирался ехать вместе с отъезжающими на каникулы пансионерами. См.: Шенрок В.И. Материалы для биографии Гоголя : В 4 т.– М., 1892.– Т. 1.– С. 100.

22. Отдел государственного архива Черниговской области в г. Нежине.– Ф.1104, оп.1, д.188, л.70, 71.

23. См.: Кукольник Н. И.С.Орлай: Из памятной книжки. – С. 197.

24. Отдел государственного архива Черниговской области в г. Нежине.– Ф.1104, оп.1, д. 11, л.7.

25. Там же. – Ф.1104, оп.1, д.14, л.80; Лавровский Н.А. Гимназия высших наук кн.Безбородко в Нежине (1820-1832 г.) // Гимназия высших наук и лицей князя Безбородко.– СПб, 1881.– С. 51.

26. Отдел государственного архива Черниговской области в г. Нежине. – Ф.1104, оп.1, д. 88, л.115.

27. Машинский С.И. Гоголь и дело о вольнодумстве.– М., 1959.– С. 172.

28. Об этом упоминает И. Сребницкий как одним из фактов, подтверждающем , “что та распущенность нежинских гимназистов, которая так обнаружилась вслед за уходом Орлая из Нежина, несомненно существовала и в его время” (Материалы для биографии Н.В.Гоголя из Архива Гимназии высших наук.– С. 18-19).

29. Там же. – С. 19.

30. Отдел государственного архива Черниговской области в г. Нежине.– Ф.1104, оп.1, д.1, л.18.

31. Там же. – Ф.1104, оп.1, д.14, л.44 об.

32. Заметим, что А.Миницкий был учеником первого набора, поступил осенью 1820 г. в возрасте 12 лет, в 1823 г. проживал вместе с Гоголем в одной комнате пансиона, а позже был с ним в одном отделении по языкам.

33. Отдел государственного архива Черниговской области в г. Нежине.– Ф.1104, оп.1, д.14, л.46 об.

34. На этом же заседании был заслушан рапорт инспектора А.Амана, доносящем о падении дисциплины среди пансионеров. (Лавровский Н.А. Гимназия высших наук кн.Безбородко в Нежине (1820-1832 г.) // Гимназия высших наук и лицей князя Безбородко.– СПб,1881.– С. 51).

35. Несмотря на снисходительность Конференции, А.Шрамченко оставил учебное заведение в октябре 1826 года, получив свидетельство о пребывании в Гимназии с 30 июня 1822 года по 3 октября 1826 года с формулировкой “по классификации поведения был хорошего” (Отдел государственного архива Черниговской области в г. Нежине.– Ф.1104,

оп.1, д.15, л. 37 об.).

36. Там же. – Ф.1104, оп.1, д.14, л.52 об., 53.

37. Там же. – Ф.1104, оп.1, д.15. л.30 об.

38. Там же. – Ф.1104, оп.1, д.15. л.29-30.

39. Гундорова Т. "Вечори на хуторі біля Диканьки": диявольський контракт і культурна ініціація: Передмова // Гоголь М. Тарас Бульба / Пер. з рос. – К., 1998. – С. 7.

Олександр Ковальчук

Страх як проблема українського буття (гоголівська проекція)

Частина II

4

Чорт в українській свідомості – це перш за все страх. В.Гнатюк, досліджуючи демонологію, так і не одержав відповіді на питання, що ж означає страх: "біда" страшить, а під бідою розуміється чорт". У зв'язку з цим відомий етнограф відмовився виділяти в окрему групу оповідання про страх і запропонував зараховувати їх до корпусу оповідань про чортів[62].

Нечистий не випадково виявляє підвищений інтерес до страху. Рухає ним воля до влади (а як відомо, контролює владу той, хто контролює страх).

Щоб страх циркулював безперервно, треба змусити щось постійно генерувати його. У "Вечорах" та "Миргороді" джерелом страху виступає перш за все простір і відповідним чином препарована чортом структура суспільства.

Експерименти з простором починаються з деформацій. Завдяки активній видозміні він став одним із найголовніших носіїв страху. Його продукують просторові фобії, невідповідність між простором нормативним, ідеально пристосованим до буття ("каким оно *должно быть*, каким оно мыслится, чувствуется и переживается как идеальное"[63]), і тим, яким воно виступає у результаті найрізноманітніших перетворень.

Образ ідеального життєвого простору постає на перших сторінках "Сорочинського ярмарку". Тут новонароджений світ, зітканий із нерозривної єдності "влюбленной земли" і "голубого неизмеримого океана", постає як світ Господній, сповнений гармонії, краси, торжества світла, яскравих, чистих кольорів.

Такий світ викликає стан зачарування: "Красавица наша задумалась, глядя на роскошь вида ..." (1, 114). Навіть безодня нагадує не про хаос і страх. Це швидше сповнена світотворчих інтенцій безодня орфіків, у якій грають вітальні сили, чи то копіюючи ("передражняючи") оригінал, чи то дублюючи його. щоб викликати стереоскопічний ефект і ще більше естетизувати світ: "Небо, зеленые и синие леса ... все опрокинулось ... не падая в голубую, прекрасную бездну"(1, 113-114).

Чорт "псує"(деформує) ідеальний простір і тим самим змушує його